

УДК 316.4

МЕТАФОРИКА И КОНЦЕПТОСФЕРА ДИСКУРСА МОБИЛЬНОСТИ*

Русакова Ольга Фредовна,

Институт философии и права,
Уральское отделение Российской академии наук,
зав. отделом философии, доктор политических наук, профессор,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются такие когнитивные формы дискурса мобильности как метафоры и концепты. Основное внимание уделяется анализу концептов нового номадизма, подвижности, путешествия, сети и потоков, хронотопа. В контексте концепта подвижности анализируется академическая мобильность. В контексте концепта путешествия рассматривается индустрия туризма как маркетинговая форма современной мобильности.

Ключевые слова:

дискурс мобильности, метафорика, концептосфера, академическая мобильность, путешествие, дискурс травелога, дискурс хронотопа.

Понятие «мобильность» сегодня обрело статус парадигмы или базовой теоретико-методологической установки, на основе которой выстраивается новая концептуальная модель способа существования общества постиндустриального типа. Ставший очевидным такой признак современности как ускорение социальной динамики, потребовал от обществоведов переключения на новую систему понятий, метафор, образов и концептов, способных сформировать особую исследовательскую оптику, позволяющую «схватить» все ускоряющуюся динамику общественного бытия.

Если ранее обществоведы при изучении социальных процессов оперировали преимущественно понятиями статического мира («социальный слой», «социальный институт», «габитус» и др.), то сегодня фокус исследований

отчетливо перемещается в сторону изучения параметров социальной динамики, а, следовательно, – к производству дискурсивной формации нового типа, которую можно обозначить как дискурс мобильности.

На принципиальную важность разработки теоретико-категориального аппарата для научного анализа социальной мобильности в свое время обратили внимание такие известные исследователи как П. Сорокин и И. Пригожин. С именем П. Сорокина связано социологическое учение о социокультурной динамике, о вертикальной и горизонтальной мобильности. И. Пригожин положил начало развитию нелинейной динамики, теории хаоса, а также синергетики как учению о саморазвивающихся и неустойчивых системах.

Настоящий бум в сфере распространения дискурса мобильности связан с изучением фе-

Статья подготовлена в рамках программ фундаментальных научных исследований УрО РАН: проект № 12-У-6-1002

номена глобализации как важнейшего признака современности. Образ глобализации, глобального современного пространства получил одну из своих конкретизаций в концептуальном образе мобильности. Понятия «глобализация» и «мобильность» оказались в прочной эпистемологической и методологической связке.

Вместе с тем, объем исследований, посвященных развитию теоретического аппарата учения о мобильности до недавнего времени заметно уступал огромному массиву работ по проблемам глобализации. И только последние годы были отмечены настоящим валом специальных теоретических изысканий в области теории мобильности. Заметным событием в этом плане стали работы З. Баумана [1], Дж. Урри [4], Т. Кресвелла [7], П. Эйди [6] и др.

В целом ряде стран в настоящее время активно работают исследовательские центры, занимающиеся проблемами мобильности. Наиболее известным является Центр исследования мобильности в Ланкастерском университете (Великобритания). В России подобного рода исследования проводятся в Высшей школе экономики. Существует также Общеευропейская сеть исследований мобильности (<http://mcenterdrexel.wordpress.com>).

Тема мобильности сегодня раскрывается посредством дискурса, в основе которого лежит множество метафор – *метафоры передвижения* в пространствах разного рода, включая виртуальные, *метафоры путешествия*, в том числе по ментальным мирам, метафоры сети, *потоков*, относящиеся как к миру предметов, так и к образу жизни людей, *метафоры хронотопа*, фиксирующие внимание на трансформациях в области восприятия пространства и времени в условиях ускорения жизни, *антропоморфные метафоры*, характеризующие homo mobilis.

В основе дискурсивной группировки метафор мобильности лежит не только конкретная предметно-тематическая сфера, но также определенная концептуальная схема, ядром которой являются устойчивые ментальные образования, называемые концептами. Концепты не только формируют метафорические ряды, но и управляют образами мобильности.

Имена концептам, как правило, дают их базовые метафоры и понятия. Так, например, одним из концептов мобильности является *концепт нового номадизма* [5]. Данный концепт трактует номадический мир (мир кочевников) посредством таких метафор как «жизнь в пути», «флуктуальный мир», «челночное пребывание в разных средах».

В основе концепта традиционного номадизма лежит *дихотомия оседлости и кочевничества*, репрезентирующая историческое противостояние двух различных образов жизни и разных типов мировосприятия. В современном глобальном мире данное противостояние получило свою реализацию в антагонизме коренных жителей государств, местностей и регионов, с одной стороны, и «кочующих» категорий людей или «людей пути» (*gens du voyage*), таких как мигранты, беженцы, бездомные бродяги, цыгане, с другой стороны. Территориальной и культурной укорененности противостоит территориальная и культурная «пришлость» и «понаеханность». Способ идентификации населения в подобном ключе осуществляется посредством *дискриминационного дискурса*, который всех «неукорененных» и «пришлых» относит к группе маргиналов и малодостойных людей, чьи права и маршруты передвижения необходимо ограничивать всеми возможными методами.

Концепт нового номадизма направлен против дискриминации «людей пути», а также – на общественное признание и повышение социальной значимости подвижного образа жизни, который адекватен современным вызовам мобильности. «Жизнь в пути», согласно концепту нового номадизма, представляет собой не отклонение от нормы, под которой в территориальном фундаментализме подразумевается оседлый образ жизни, а, напротив, является формулой успеха в мире подвижно-текучих реалий и размывающихся границ.

Новый номадизм под современностью подразумевает ситуацию активного размывания барьеров между цивилизационным «центром» и «периферией», «укорененностью» и «беспочвенностью». Ново-номадические исследования сфокусированы на изучении процессов инверсий,

флуктуаций и трансформаций, происходящих в обществе, которые стали возможны благодаря ускорениям и мобильности современной повседневной жизни.

При анализе феномена мобильности сегодня активно разрабатывается и внедряется в общественное сознание *концепт подвижности*. Подвижность рассматривается как благо с медицинской, социально-адаптивной, экономической, коммуникативной и образовательной точек зрения.

Здоровый образ жизни трактуется не иначе как жизнь в движении. Медицинская реабилитация постоянно ассоциируется с процессом вставания на ноги и способностью к самостоятельному передвижению. Ценным личностным качеством во все времена считалась подвижность в форме социальной адаптивности, соответствующая инстинкту приспособления к средовым особенностям, колебаниям и изменениям.

В современной экономической жизни гарантом коммерческого успеха выступает *маркетинговая подвижность*, которая реализуется в практиках рыночного продвижения товаров, услуг и брендов (промоушн), в расширении рыночного пространства, в рекламной экспансии и в поглощении конкурентов. Экономическая подвижность больших социальных систем сегодня рассматривается как условие успешного преодоления кризисных ситуаций, экономической стагнации и развития инновационности.

Особая значимость сегодня придается коммуникативной подвижности, которая считается исключительно ценным качеством при осуществлении культурного, образовательного и научного обмена. В сфере образования и науки концепт подвижности обрел свою практическую форму в программах *академической мобильности*. Данные программы активно внедряются в жизнь в странах Европы в рамках Болонского процесса. Под академической мобильностью в болонских документах подразумевается перемещение студентов, преподавателей, ученых и администраторов из образовательных учреждений одних стран в другие с целью повышения квалификации, обмена опытом и знаниями, установления и развития продуктивных контактов. Среди

главных задач академической мобильности называются: 1) для студентов – обеспечение доступа к учебным заведениям европейских стран, к разнообразным образовательным услугам; 2) для преподавателей и исследователей – получение международного признания, прохождение стажировки для повышения академического статуса; 3) для администраторов – осуществление профессиональной переподготовки без нарушения статуса и законных прав.

В качестве главной цели и глобальной миссии академической мобильности называется *интернализация образовательного и научного процесса и повышение его прозрачности* [10, с. 10]. В гуманитарном плане академическая мобильность рассматривается как эффективный инструмент развития коммуникативных и профессиональных навыков, расширения горизонтов возможностей для личностного роста и для формирования независимого образа мысли. В целом же, академическая мобильность, по мнению компетентных респондентов, призвана осуществлять адаптацию университетского и научного сообщества к глобальному рынку труда [10, с. 38].

Дискурс мобильности, считают специалисты в области программных задач болонского процесса, должен занять столь же достойное место в современных стратегических планах современных государств, что и дискурс трудовой занятости, поскольку направлен на развитие социальных институтов и бизнеса. Дискурс мобильности, поощряемый на национальном и международном уровнях, способствует тому, чтобы мобильность как глобальный проект стала предметом специального инвестирования [10, с. 57].

Европейская политика в области академической мобильности, а, следовательно, и сам дискурс мобильности, распространяемый Европейским Союзом, в настоящее время подвергается весьма критическому анализу. «Великий дискурс» о мобильности, воплощенный в неслыханно популярной программе ERASMUS, принятой более 20 лет назад, и получившей свое развитие в новом варианте под названием ERASMUS MUNDUS (Программа 2020), все

чаще рассматривается как дискурс неолиберального проекта глобализации, который направлен в сторону *маркетинга* высшего образования [9]. За фасадом академической мобильности можно обнаружить и такое негативное для стран-отправителей явление как «утечка мозгов» [8].

Исследования академической мобильности показывают, что данный процесс своей оборотной стороной имеет дальнейшее продолжение *вестернизации* глобального образовательного пространства. Потоки мобильных студентов, преподавателей и исследователей, в основном, имеют западный вектор. Лидерами в области массового приема «академических туристов» выступают США, Великобритания, Германия, Австрия, Франция, а рекордсменами отправки на учебу за рубеж выступают страны Восточной Европы и Азии. В итоге проект академической мобильности, изначально задуманный как проект интернализации научно-образовательной среды, трансформируется в глобальную маркетинговую стратегию, направленную на увеличение ресурсов *soft power* стран Запада, усиливая тем самым их конкурентное преимущество перед странами восточно-европейского региона, Азии и др.

Среди концептов, формирующих дискурсивное поле мобильности, следует особо отметить концепт «*путешествие*». Данный концепт является когнитивным ядром, порождающим множество метафор, применяемых для описания и изучения феномена мобильности. В их числе такие метафоры как «путешественник», «путь», «дорога», «граница», «привал», «открытие», «приключение», «дорожная карта», «первопроходец», «проводник».

Статус путешественника как мобильного субъекта, перемещающегося в пространстве и в разнообразных культурных средах, предполагает его готовность и способность к *восприятию иных миров*, к преодолению географических, политических и этнокультурных границ. При этом путешественник не может не рефлексировать по поводу всего им увиденного, услышанного и пережитого. Рефлексия по поводу пережитого и испытанного во время путешествия представляет собой особое культурное достояние, воплощающееся в дискурсе травелога [3].

Вступая в непосредственный контакт с жителями иных стран и территорий, путешественник выступает в роли медиатора межкультурного обмена, запуская при этом *механизмы коммуникативной мобильности*. При этом он не только сам расширяет горизонты собственного мировидения, но и вносит вклад в мировой процесс межкультурного обмена.

В современную эпоху путешествие выступает одной из престижных формы коммуникативной мобильности, с которой связано получение разнообразных впечатлений, уникального опыта соприкосновения с необычным, экзотическим, приобретение новых международных контактов.

Путешествие – это также привлекательная возможность поделиться с друзьями, коллегами и даже всем миром собственными наблюдениями и запечатленными с помощью современных медийных средств, образами другой реальности. Режиссирование и документализация путешествия является важными компонентами еще одной разновидности дискурса мобильности – *дискурса медийно-креативного травелога*.

Развитие практик путешествия в массовом масштабе приводит к разгерметизации замкнутых культурных пространств, делает их открытыми для инокультурного влияния и незащищенными от культурной интервенции.

Сегодня происходит активный процесс маркетинга путешествия, связанный с развитием индустрии туризма. Туризм является широкоразвиваемой и поддерживаемой государствами маркетинговой формой мобильности. Туристическая привлекательность рассматривается в качестве важного составного элемента бренда стран и территорий. На основе анализа объемов туристических потоков составляются рейтинги национальных брендов.

Туризм как индустрия мобильности представляет собой не только организованную систему потоков путешествующих граждан, но также широкую сеть туристической инфраструктуры, включающую сети отелей, мотелей, туристических маршрутов, транспортных и трансфертных узлов. Индустрия туристической мобильности в том случае, когда она через свои сети пропускает большие потоки граждан, приносит госу-

дарствам существенный доход. Согласно данным, приводимым Дж. Урри, путешествия в форме туризма кормят самый крупный в мире бизнес, принося 6,5 триллионов долларов ежегодно, обеспечивая работой 8,7% из всех занятых людей в мире. Благодаря туристическому бизнесу мир превратился в огромный супермаркет, торгующий странами и городами [4, с. 68–69].

В современном дискурсе мобильности прочно укоренились понятия «сети» и «поток». С ними тесно связан *концепт хронотопа*, раскрывающий динамическую взаимосвязь пространственных сетей и потоков с темпоральными характеристиками, такими как скорость, ритм, темп, цикличность, событийность.

Концепт хронотопа лежит в основе современных исследований коммуникативно-информационной мобильности. Коммуникативно-информационный подход к осмыслению мобильности акцентирует внимание на таком эффекте современных средств коммуникации как сжатие пространства и времени. Современный рост мобильности социальных субъектов, происходящий благодаря развитию высокоскоростных средств объективно-пространственной коммуникации (транспортная сеть) и виртуальной коммуникации (электронные СМИ, Интернет, сотовая связь, смартфон и т. п.), сжимает пространство и время, формируя тем самым хронотоп особого рода – коммуникативно-сетевой.

Хронотоп сетевой коммуникации представляет собой систему интерактивных коммуникативных взаимодействий, осуществляемых в пространстве сетевых сообществ. Хронотоп данного свойства стал предметом специального анализа в фундаментальном труде Мануэля Кастельса «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» [2]. М. Кастельс выдвигает гипотезу о том, что в сетевом обществе пространство и время трансформируются под влиянием информационно-технологической парадигмы, в результате чего возникает новая пространственная логистика, обозначаемая им понятием «пространство потоков». «Под потоками, – пишет Кастельс, – я понимаю целенаправленные, повторяющиеся, программируемые последовательности обменов и взаимодействий между

физически разъединенными позициями, которые занимают социальные акторы в экономических, политических и символических структурах общества» [2, с. 402]. Доминирующие социальные практики встроены в доминирующие социальные структуры. Основными сетевыми узлами пространства потоков, по Кастельсу, выступают центры информационно-технических инноваций, экономических и культурных обменов, распределения административной и политической власти. Другими словами, сетевая архитектура пространства коммуникативных потоков – это кристаллизация времени и констелляция власти современной информационной эпохи, это арена, где разыгрываются интересы и ценности социальных групп.

Все наше современное общество, утверждает Кастельс, построено вокруг потоков – потоков капитала, информации, технологий, организационного взаимодействия, изображений, звуков и символов. Пространство потоков есть материальная организация материальных практик в разделенном времени, работающем через потоки.

Современное общество, по убеждению Кастельса, асимметрично организовано вокруг доминирующих интересов и доминирующих хронотопов. На одном социальном полюсе – хорошо организованные элиты, контролирующие широкие сети хронотопов (пространственно-временных потоков) и потому доминирующие в социально-коммуникативном пространстве и времени. На другом – дезорганизованные массы, чьи хронотопы локальны и заблокированы социальными практиками элит. Стратегия элит – тщательная изоляция своей пространственно-временной среды и сохранение контроля над пространственно-временными потоками разного рода капиталов. Стратегия оппозиционных элит масс – расширение пространственно-временных коммуникаций вплоть до слома иерархической архитектуры хронотопа. Максимальное включение народных масс в управление пространственно-временными потоками приведет в итоге к ликвидации коммуникативных барьеров и к возникновению качественно нового хронотопа – экстра-временного (мгновенно-коммуникативного) или вневременного.

Особенности хронотопа эпохи постиндустриального общества стали предметом специального теоретического исследования Зигмунда Баумана, который ввел в научный оборот *концепт текучей современности*. Бауман обратил внимание на то, что в информационном постиндустриальном обществе происходит не только сжатие пространства и времени в связи со стремительным ростом коммуникативной мобильности социальных субъектов, но также утрата жесткости иерархических социально-политических структур и институтов, которые в индустриальную эпоху воспроизводили хронотоп фордистского типа. Для фордистского мира характерна жесткая привязанность капиталов и субъектов к определенному месту в пространстве национальной экономике и политике, рационализированное время производственных и иных отношений. Главные ценности фордистского мира – долговременные и устойчивые связи, надежность, рациональность, предсказуемость, отсроченное потребление и удовольствие.

В информационную эпоху фордистскому типу мироустройства противостоит модель текучей современности, представляющая картину мира, где господствуют неустойчивые процессы обмена капиталов, постоянные изменения рыночной конъюнктуры, постоянные риски безработицы, *гибкие* трудовые и иные отношения, *мимолетность* контактов и незамедлительное удовлетворение потребностей. «Гибкость», – отмечает Бауман, – на сегодняшний день модное словечко. Оно предвещает рабочие места без гарантий стабильности, устойчивых обязательств или будущих прав, предлагая не более чем контракт на определенный срок или возобновляющиеся контракты, увольнение без уведомления и никакого права на компенсацию. Поэтому никто не может чувствовать себя действительно незаменимым... При отсутствии долгосрочной безопасности «мгновенное вознаграждение» выглядит как разумная стратегия» [2, с. 173].

Постфордистская текучая современности формирует соответствующий стиль жизни. «Ненадежные экономические и социальные условия, – отмечает Бауман, – учат людей (или заставляют их изучить трудный способ вос-

принимать мир как контейнер, полный объектов для одноразового использования; весь мир, – включая других людей» [2, с. 174]. Ключевым принципом данной жизненной стратегии выступает принцип «здесь и сейчас».

---

1. Бауман З. Текучая современность / Пер. с англ. Под ред. Ю.В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008.

2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. Под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ-ВШЭ, 2000.

3. Русакова О.Ф. Дискурс-исследования травелога: ключевые подходы // Дискурс философского пути. Материалы круглого стола VI Российского философского конгресса. Нижний Новгород, 27–30 июня 2012 г. / Под ред. О.Ф. Русаковой. – Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2012. – С. 5–8.

4. Урри Дж. Мобильности [Текст] / пер. с англ. А.В. Лазарева, вступ. статья Н.А. Харламова. – М.: Издательская и консалтинговая группа «Практикс», 2012.

5. Ушакин С. О людях пути: номадизм сегодня // URL: www.akademia.edu/1876129.

6. Adey P. *Mobility*. New York: Routledge, 2010.

7. Cresswell, T. *On the Move: Mobility in the modern West*. New York: Routledge, 2006.

8. Dervin, F. *Looking Beyond the Façade of Academic Mobility and Migration* – <http://users.utu.fi/freder/dervinpaper.pdf>.

9. Fahey, J. & J. Kenway. Introduction: Internatinal academic mobility: problematic and possibli paradigms // *Discourse: Studies in the cultural politics of education* 2010. Vol. 31. No. 5. Pp. 563–575.

10. *Mobility: Closing the gap between policy and practice* (E. Colucci, H. Davies, J. Korhonen, M. Gaebel). EUA Publications. 2012.

---

1. Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost'* / Per. s angl. Pod red. Yu. V. Asochakova. – SPb.: Piter, 2008.

2. Kastel's M. *Informacionnaya e'poxa: e'konomika, obshhestvo i kul'tura*: Per. s angl. Pod nach. red. O.I. Shkaratana. M.: GU-VShE', 2000.

3. Rusakova O.F. *Diskurs-issledovaniya traveloga: klyucheveye podxody* // *Diskurs filosofskogo puti. Materialy kruglogo stola VI Rossijskogo filosofskogo kongressa. Nizhnij Novgorod, 27–30 iyunya 2012 g.* / Pod red. O.F. Rusakovoj. – Ekaterinburg: ID «Diskurs-Pi», 2012. – S. 5–8.

4. Urri Dzh. *Mobil'nosti* [Tekst] / per. s angl. A.V. Lazareva, vstup. stat'ya N.A. Harlamova. – M.: Izdatel'skaya i konsaltingovaya gruppa «Praksis», 2012.

5. Ushakin S. *O lyudyax puti: nomadizm segodnya* // URL: www.akademia.edu/1876129.

6. Adey P. *Mobility*. New York: Routledge, 2010.

7. Cresswell, T. *On the Move: Mobility in the modern West*. New York: Routledge, 2006.

8. Dervin, F. *Looking Beyond the Façade of Academic Mobility and Migration* – <http://users.utu.fi/freder/dervinpaper.pdf>.

9. Fahey, J. & J. Kenway. Introduction: Internatinal academic mobility: problematic and possibli paradigms // *Discourse: Studies in the cultural politics of education* 2010. Vol. 31. No. 5. Pp. 563–575.

10. *Mobility: Closing the gap between policy and practice* (E. Colucci, H. Davies, J. Korhonen, M. Gaebel). EUA Publications. 2012.

UDC 316.4

METAPHORICA AND CONCEPTOSPHERE OF MOBILITY DISCOURSE

Rusakova Olga Fredovna,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Department of Russian Academy of Science,
Head of philosophy division,
Doctor of political sciences, full professor,
Ekaterinburg, Russia.
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Annotation

The article discusses the cognitive forms of mobility discourse such as metaphors and concepts. The main attention is paid to the analysis of a new nomadism concept, the concept of moving, traveling, net and currents, chronotop. The academic mobility is analysed in the context of moving. The industry of tourism as the marketing form of contemporary mobility is discussed in the context of travelling.

Key words:

discourse of mobility, metahorica, conceptosphere, academic mobility, travelling, discourse of travelogue, discourse of chronotop.
